

* «Цветущая груша затмила яблоню» (□□□□□□□□) — строчка из стихотворения анонимного автора (по слухам, поэта Су Ши), написанного в шутивной форме его восьмидесятилетнему другу Чжан Сяню, который женился на восемнадцатилетней девушке. Позднее эту строчку взяли для китайской версии названия романа Владимира Набокова «Лолита». Сейчас это идиома, описывающая брак между пожилым мужчиной и молодой женой.

— У племени осталось еще четырнадцать тысяч овец... и сто четыре тысячи шкур с прошлой зимы...

Чунь Лань что-то бормотала себе под нос, щелкая счётами, а Фан Юй сидел рядом, усердно всё записывая.

— Так много?! — не мог поверить Юньци.

Тоба Фэн радостно воскликнул:

— Неужели уже так много?!

— Чему ты радуешься?! — Юньци дал Тоба Фэну подзатыльник. — Мы выдубили больше ста тысяч шкур, а уже осень на дворе, и их не продать. Мы зимой что, шкурами будем питаться?

Чунь Лань подперла щёку рукой:

— А всему виной твой зять-император с его проклятыми налогами. Теперь цены на шкуры внутри и за пределами Великой стены взлетели на шесть десятых, и даже жители Центральной равнины не могут их себе позволить.

Через четыре года после того, как император Юнлэ покорил Северную Юань, татары отступили за границу, полностью исчезнув в пустыне, а небольшие отряды купцов на лошадях по-прежнему действовали за пределами перевала Цзюйюань.

Чтобы подорвать силы монголов, Чжу Ди, следуя предложениям своих сановников, ввёл высокие налоги на такие товары, как шкуры животных и овечья шерсть, для торговых караванов, перемещающихся внутри и снаружи Великой стены.

Это доставило немало хлопот шурина императора, ведь, как только подняли налоги на сырьё для меховых изделий, купцы стали меньше их покупать, а заодно взвинтили цены на соль, чтобы уравновесить доходы и расходы.

Юньци сказал:

— Мы еще даже не закупили соль на следующий год, а цены на нее на рынках внутри Великой

стены с каждым днем растут и растут; шкуры же всё равно не продать. Пес-император, придумывай скорее решение, а то во рту уже так пресно, что тошнит.

Тоба Фэн, поразмыслив, предложил:

— Может, напишем письмо в Янчжоу и попросим второго шурина что-нибудь придумать?

Юньци раздражённо буркнул:

— Ладно уж, лучше не надо. Второй брат только вернулся в Янчжоу и занимает должность начальника уезда меньше полугода, ещё ненароком продаст нас всех.

Внезапно ему в голову пришла мысль, и он сказал:

— Давай возьмём шкуры и овец и продадим их внутри перевала сами.

Тоба Фэн нерешительно взглянул на Юньци, а тот продолжил:

— На вырученные деньги купим соли. Всё равно сейчас осень, дождей мало, вывезем ее обратно за границу и будем есть сами.

Фан Юй радостно взмахнул рукой:

— Дядя Юнь! Мы что, поедem гулять за заставу?!

Чернила брызнули прямо Тоба Фэну на лицо.

На пятый год правления Юнлэ Тоба Фэн объединил племена сяньби, тюрков и другие за пределами Великой стены, распространив власть племён к северу от реки Керулен на территорию в десятки тысяч ли. Он словно стал императором небольшого царства.

Однако даже псу-императору нужно что-то есть. Если Чжу Ди являлся истинным императором, то Тоба Фэн скорее был слугой народа. Каждый день в племени его ожидала череда больших и малых дел. Когда же он возвращался домой, то нужно было помассировать Юньци плечи, покувыркаться с любимой женой в постели и выслушать уговоры своего названного сына Фан Юя, который изо дня в день хотел отправиться поиграть за заставу. Он занимался всем, от масштабных задач, таких как захват пастбищ под знаменем племенных походов, до мелких забот — например, каждую ночь отражал от одного до семи нападений голодных волков... В праздники же приходилось работать сверхурочно, да ещё и постоянно быть начеку, чтобы ханьский император, не оставивший своих коварных замыслов, не двинул войска на север и не украл его с таким трудом доставшуюся жену.

Тоба Фэн часто вздыхал: нелегко быть мужчиной!

К счастью, политические вопросы решительно взял в свои руки Сюй Юньци, благодаря чему сорок семь тюркских племён развивались вполне достойно и процветали.

Тоба Фэн, жаждущий несколько месяцев пожить спокойно, принял предложение Сюй Юньци войти за заставу, минуя Пекин, двинуться на юг и лично продать свои запасы товаров.

Конечно, Чжу Ди всё равно облагал Тоба Фэна налогами на торговлю, однако, как говорится, «невесту кормят тысячу дней, чтобы использовать ее в одночасье*». Наконец пригодилась золотая пайза Сюй Юньци.

* Измененная версия идиомы «тренировать войска целых тысячу дней, чтобы использовать их в одночасье» (□□□□□□□□).

Когда они проезжали перевал Цзюйюнгуань, Сюй Юньци лишь предъявил свой пропускной жетон Цзиньвэй, и никто не посмел его остановить; миновав Цзинань, Аньхой и Кайфэн, они обогнули огромную Центральную равнину, и никто не посмел взимать с него налоги. Продвигаясь вдоль дороги на юг, он мгновенно взбудоражил восемнадцать городов Центральной равнины, и чиновники всех рангов поспешно отправляли гонцов на быстрых конях в Пекин доложить об этом Чжу Ди.

Чжу Ди изначально хотел перекрыть поставку монгольских товаров, но раз уж младший шурина лично вошёл в заставу, пришлось его пропустить. В то время наследный принц Чжу Гаочи отвечал за торговлю в нескольких районах Центральной равнины и управлял двадцатью четырьмя ведомствами Министерства налогов, однако, поскольку Юньци в юности относился к нему с нежностью, он просто закрыл на всё глаза и не стал вмешиваться.

Итак, взяв с собой Юньци — эту ходячую золотую пайзу, освобождающую от уплаты налогов, — Тоба Фэн принялся опустошать города по пути. Так уж совпало, что на Центральной равнине осень сменилась зимой, и настало время резкого роста цен на мех. Как же провинциальные чиновники смели отказать, когда шурина императора предлагал продать им шкур?

Тоба Фэн сколотил целое состояние. Заработав двести тысяч лянов серебра, он обменял их на банкноты и приготовился двинуться в Янчжоу, чтобы с помощью устрашающего влияния Юньци вымогать и принудительно покупать контрабандную соль на землях Сюй Хуэйцзу.

С момента основания Чжу Юаньчжаном Великой Мин Янчжоу являлся самым богатым местом во всей стране, и считалось, что три года службы начальником управления Янчжоу приносят сто тысяч лянов серебра. Опасаясь, что назначенный извне чиновник не удержится от взяточничества и казнокрадства, два года назад Чжу Ди перевёл из Чжунли своего второго шурина и отправил его в Янчжоу.

Когда Сюй Хуэйцзу пересек границу, то не оставил ни травинки, и чиновникам всей провинции

пришлось жить скромно. В этом отношении он, можно сказать, был похож на Юньци.

В то же время, осенью пятого года правления Юнлэ, Чжу Ди отправился в Цзяннань и посетил Янчжоу, дабы изучить жизнь местного населения.

В десятом месяце, в краю рек и озёр, осенний дождь сеял изморосью. Женщины с юга, одетые в синие шелка, источали очарование, словно собранные из самой воды. Они прогуливались по мощенной голубыми плитами дороге, как на живописной картине.

— Всё почти так же, как и раньше. Ничего не изменилось, — слегка приподняв подбородок, сказал Тоба Фэн. Тонкие, как шелковые нити, струйки дождя сплетались в наполненном влагой воздухе.

Юньци улыбнулся:

— Когда мы с покойным императором объезжали с инспекцией Янчжоу, разве мы не ели тогда речные деликатесы в управлении начальника округа?

Тоба Фэн кивнул, подозвав соплеменников:

— Ступайте, развлекайтесь. Даю вам три дня. Покупайте румяна, пудру и безделушки для своих жён. Мы полностью сняли гостиницу «Лучшая в Поднебесной» в западной части города, так что, если устанете, отдыхайте там, расплатимся при отъезде.

Чунь Лань повела Фан Юя за собой гулять по улицам, и сопровождающие их тюркские юноши в возбуждении разбрелись кто куда, отправившись пить вино. Тоба Фэн и Юньци, взявшись за руки, некоторое время молча глядели друг на друга.

— Переоденемся в ханьскую одежду? — усмехнулся Тоба Фэн.

Юньци с понимающей улыбкой кивнул, он уже давно не носил одежду жителей Центральной равнины. Тоба Фэн был по крови тюрком, а Юньци в душе оставался чистым ханьцем.

В эпоху мира и процветания пейзажи этого богатого водного края Центральной равнины стали еще великолепнее, чем в первые годы правления Хуньу. Жители Янчжоу одевались с особой изысканностью и благопристойностью.

— Мы хотим купить готовую одежду, — вынув слиток серебра, Тоба Фэн бросил его на прилавок. — Доставайте самое лучшее.

Цзяннаньские учёные мужи носили тёмно-синие одежды, а дети богатых семей щеголяли в расшитых тонкими узорами халатах, красочных, словно букеты цветов. На стройных мужчинах

такой наряд мог смотреться слишком изнеженно, но Тоба Фэн и Сюй Юньци были военными, и эти одеяния, одно светло-красное, а другое лазурное, придавали им особую мужественную и элегантную статью.

— Молодые господа тоже приехали посмотреть на императора? — с улыбкой спросила хозяйка лавки. — Как вовремя вы подоспели, у нас остались только мужские платья, за последние несколько месяцев распродали всю осеннюю парчу.

Сердце Юньци дрогнуло:

— Посмотреть на императора? Неужели так совпало, что он именно сейчас отправился с инспекцией на юг?

— Именно так! Начальник округа Сюй как раз готовится встретить императорский экипаж. Сегодня же Праздник середины осени, так что Его Величество должен прибыть в Янчжоу. Говорят, на озере Шоусиху уже подготовили разукрашенную джонку... — Хозяйка, придерживая одежду, примеряла её на Тоба Фэна, а тот, слегка покраснев, стоял неподвижно, словно дурак.

Облачившись в роскошные наряды, они словно вновь обрели былой лоск времен службы в Цзиньивэй. Когда они вышли на улицу, то приковали внимание всех прохожих. Тоба Фэн всё никак не мог удержаться, чтобы не потянуться к мечу Сючунь, которых когда-то висел у него на боку. Юньци, с трудом сдерживая улыбку, взял его под руку и повел бродить по ярмарке.

На рынке царил шум и кипела жизнь. Здесь можно было раздобыть богатства со всех сторон света, но особым изобилием выделялись товары из северной Цзянсу*. Тоба Фэн, не выпуская руки Юньци, остановился у прилавка, уставленного безделушками.

* Территория к северу от Янцзы.

Тут были и узелки, и нефритовые подвески, и коробочки для румян, и деревянные гребни, пленяющие взор своим великолепием. Хозяин лотка, увидев, что Юньци изящен, Тоба Фэн статен, а на поясах у обоих висят нефритовые подвески с Цилинями, сразу догадался об их отношениях.

В те времена было широко распространено мужеложество. Цзяннаньские мужчины отличались великодушием, поэтому однополые пары, идущие под руку, ни у кого не вызывали удивления. Торговец с улыбкой предложил:

— Вот здесь новинки, поступившие в начале месяца, не угодно ли почтенным господам взглянуть?

Юньци перебирал вещи, отмечая про себя, что жемчуг по качеству самый обычный, зато

жемчужная пудра была неплохой. Он рассеянно сказал:

— Зять тоже прибыл в Цзяннань? Вот уж действительно совпадение, мы же несколько лет не виделись.

Тоба Фэн взял наугад сандаловую коробочку для румян и открыл крышку:

— Хочешь встретиться и поболтать?

Юньци улыбнулся:

— А ты?

Тоба Фэн при свете солнца внимательно разглядывал Юньци.

За четыре года за границей, за двадцать лет знакомства его чувства ни на мгновение не остыли.

Детская пылкая влюбленность постепенно превратилась в выдержанное вино, что с годами становится лишь ароматнее. Его сердечная привязанность оставалась столь же глубокой, не уступая прежней.

Юньци и так молодо выглядел, а к тому же жил без особых забот, поэтому совершенно не казался постаревшим.

Чем дольше Тоба Фэн смотрел на него, тем сильнее разгоралась в его сердце любовь. Невыразимая нежность сжимала грудь до боли, и он едва сдерживал желание впиться клыками в его кожу или же сорвать с него одежду и взять прямо здесь, на рыночной площади.

Тоба Фэн выбрал коробочку для румян:

— Как встретимся, купим у него соли?

Юньци фыркнул со смеху:

— Он правит всей Поднебесной, а ты собираешься купить у него пару цзиней?

Хозяин лотка: «...»

— Не двигайся... — тихо сказал Тоба Фэн. — Раз уж мы давно не виделись, сходить повидаться с

ним тоже неплохо. Может, тоже возьмём разукрашенную джонку, зажжём фонари и прокатимся по озеру Шоусиху? Поиграем на цине, выпьем вина?

Юньци замер. Уголок рта Тоба Фэна тронула легкая улыбка. Он макнул палец в жидкую помаду и нежно провёл им по губам мужчины.

Низкий, бархатистый голос Тоба Фэна был полон соблазна:

— Красавица, спой-ка господину песенку. Но сначала улыбнись.

Брови Юньци игриво дрогнули. Он лишь ответил улыбкой, не произнося ни слова, и в тот же миг его щёки озарились румянцем, а во взгляде и выражении лица вспыхнула невыразимая прелесть.

На озере Шоусиху в Янчжоу спустились сумерки.

— Докладываю господину! — Чиновник обратился к Сюй Хуэйцзу: — В центре озера с запада прибыла частная лодка, филиал заведения «Великолепие шести династий». Они повесили цветные фонари и шёлковые шторы, но она не числится в списках, утверждённых управлением Янчжоу...

Сюй Хуэйцзу сказал:

— Разве я не приказывал вам тщательно проверить поверхность озера? Сегодня вечером здесь будет кататься Его Величество, ни в коем случае нельзя пропускать частные лодки!

Чиновник протянул две поясные таблички, отлитые из железа:

— Хозяин той лодки... велел передать это господину.

Сюй Хуэйцзу перепугался не на шутку. Железные грамоты!

«Тому, кто помог в основании и управлении государством» и «Почитающему Небо и усмирившему смуту» — это были дарующие помилование пайзы, которые лично пожаловали два императора, Хунью и Юнлэ.

В годы правления Цзяньвэнь недолго занимал трон Чжу Юньвэнь, но обладатель этих двух железных грамот, без сомнения, был высокопоставленным сановником, служившим трём поколениям императоров Великой Мин. Сюй Хуэйцзу дрожащим голосом спросил:

— Какой же князь находится на той разукрашенной джонке? Ты хорошо разглядел?

Чиновник ответил:

— Разглядеть... как следует не удалось. Похоже, мужчина и женщина...

Неужели Чжу Цюань? Сюй Хуэйцзу нахмурился и распорядился:

— Можно их пропустить, но не позволяй им приближаться к императорской лодке.

Чиновник отозвался, взял железные грамоты и вернулся доложить об этом.

Тоба Фэн в обнимку с Юньци выпил чашу вина и, даже не взглянув, сказал:

— Оставь здесь.

Чиновник положил железные грамоты на стол, поклонился и ушёл.

Юньци убрал их и, перелистывая ноты для циня, произнес:

— Тогда будем ждать у озера. Когда прибудет зять, подойдём и поболтаем с воды.

Тоба Фэн снова налил чашу вина, выпил её сам и сказал:

— Я сыграю на цине, а ты просто спой что-нибудь.

Юньци пожаловался:

— Почему ты постоянно подливаешь мне вина?!

Тоба Фэн не ответил, лишь продолжал одну за другой подносить Юньци чаши с вином. Оно было сладковатым и ароматным. Юньци, нахмурившись, буркнул:

— Хватит пить, а то опьянеешь.

Тоба Фэн ответил:

— Ничего, ещё не стемнело...

Дыхание Юньци стало горячим:

— Выпил, и весь вспотел... Подожди, что ты подмешал в это вино?

Тоба Фэн улыбнулся:

— Ши-гэ любит тебя...

Юньци ощетинился:

— Ты опоил меня возбуждающим средством!

Тоба Фэн промолчал. Юньци несколько раз попытался вырваться, но снадобье, которое Тоба Фэн подмешал в вино, было слишком сильным, и он не мог сдержать жар, разливавшийся по всему телу.

Тоба Фэн поцеловал Юньци и со слегка порозовевшими щеками принялся расстёгивать одежду. Как только возбуждающее средство подействовало, у Юньци сразу помутнело перед глазами, а всё тело стало обжигающе горячим.

Тоба Фэн намеренно соблазнял его. Под его парчовым халатом скрывалось совершенно обнажённое, мускулистое мужское тело, без штанов и исподнего. Расстегнув ворот, он обнажил покрасневшую грудь.

Юньци тяжело вздохнул и, обхватив твёрдый член Тоба Фэна, принялся нежно его поглаживать. Не в силах сдержаться, он стал сам снимать халат и тихо произнес:

— Быстрее...

Тоба Фэн, смеясь, провёл пальцем по щеке Юньци. Они ещё не полностью избавились от одежды и, укутавшись в верхние халаты, прильнули друг к другу.

Тоба Фэн усадил Юньци себе на бёдра и прошептал ему на ухо:

— Юньци.

— М-м... — Юньци, одурманенный весенним вином, уже не владел собой и, не в силах сдержаться, опустился ниже. Расстегнув верхний халат, он прижался грудью к обнаженной груди Тоба Фэна.

Юньци глубоко вдохнул. Впервые ему подмешали снадобье, и оказалось, что это сделал его возлюбленный, с которым он бок о бок проводит каждый день, Тоба Фэн. Эта игра вызвала в нём странное чувство удовольствия, словно он вернулся на несколько лет назад, к своему

необузданному любовнику, что так грубо входил в него в пекинском борделе.

— Что ты задумал? — пробормотал Юньци.

С годами черты лица Тоба Фэна становились всё более спокойными и мужественными. Резкая агрессия во взгляде исчезла, уступив место ощущению надёжности и безопасности.

Юньци опустил до конца, изо всех сил стараясь целиком принять в себя член Тоба Фэна. Обняв его за плечи, он безудержно наслаждался ощущением наполненности от возбужденного мужского достоинства внутри себя.

— Хочу трахнуть тебя так, чтобы ноги подкосились, — тихо сказал Тоба Фэн. — Как ни играй с тобой — всё мало...

Он уложил Юньци на спину, медленно вынул член и, прижавшись головкой к его заднему проходу, неглубоко вошёл.

— Давай... — задыхаясь, прошептал Юньци.

В глазах Тоба Фэна пылало пламя страсти. Он смотрел на покрасневшего до самой шеи Юньци, возбуждённого снадобьем. Медленно входя и растягивая его сжатый проход, он слышал непрерывные стоны Юньци, который словно жаждал, чтобы он погрузился в него еще глубже.

Однако Тоба Фэн продолжал плавно входить и выходить, пока наконец Юньци не взмолился:

— Войди...

Тоба Фэн рассмеялся, облизнув губы.

Всё тело Юньци пылало, он не мог перестать умолять:

— Войди в меня... Я больше не могу, ши-гэ...

Тоба Фэн прошептал ему на ухо:

— Ши-гэ любит тебя.

После нескольких неспешных движений Тоба Фэн наконец вошёл до упора. Его член, твёрдый, как железный прут, заставил Юньци тут же издать довольный стон и слегка задрожать.

Тоба Фэн спросил:

— Завелся?

Юньци, тяжело дыша, промолчал. Тоба Фэн поднял его и прижал к перилам лодки. Раздвинув ноги, он начал яростно в него вколачиваться. Хлопки от ударов заставляли Юньци стонать от наслаждения. Из его промежности лилась влага, стекая по мышцам живота Тоба Фэна.

— Ах... ах... мм... — Юньци стиснул зубы. Его уши пылали румянцем, и он уткнулся лицом в плечо Тоба Фэна.

Тоба Фэн кончил один раз, затем довёл до оргазма и Юньци, после чего подхватил его и усадил перед столом.

Действие возбуждающего средства ещё не прошло. Всё тело Юньци покраснело, и он изогнулся. Тоба Фэн достал из-под столика нефритовый стержень и медленно ввёл его в уже разработанный задний проход Юньци.

— У-у... — Юньци застонал от боли.

Тоба Фэн спросил:

— Значит, позже будешь так же распутно петь?

Юньци, тяжело дыша, ответил:

— Нет... слишком... Я хочу ещё раз...

Тоба Фэн подмешал слишком много снадобья, и справиться с последствиями стало непросто. Юньци уже один раз кончил, но его член по-прежнему стоял прямо как стрела. В беспорядочно распахнутой одежде он переворачивался с боку на бок, и от малейшего прикосновения из него сочилась влага. Тоба Фэн тоже не мог сдержаться. Вытащив нефритовый стержень, он обнял Юньци сзади и вновь принялся яростно входить в него на протяжении почти полшичэня. Юньци дважды излился, его нутро наполнила горячая жидкость Тоба Фэна, и лишь тогда ему стало немного легче.

Тоба Фэн провернул нефритовый стержень и медленно ввёл его в задний проход Юньци, сказав:

— Сожми крепче.

Юньци прошептал:

— Негодяй...

Тоба Фэн усмехнулся:

— Потом ещё придётся его вытаскивать. Если не вытерпишь, поиграй с ним сам.

Ноги Юньци подкосились, и он прислонился к Тоба Фэну. Тот поправил и застегнул свой верхний халат, затем помог Юньци завязать пояс на парчовом платье и скомандовал:

— Отчаливай.

Лодочник на носу откликнулся и начал медленно работать вёслами.

Тоба Фэн безучастно произнёс:

— Что ты там щупаешь?

Юньци запустил руку под халат Тоба Фэна, обхватил его твёрдо стоящий член и принялся ласкать, приговаривая с улыбкой:

— Всё ещё стоит. И как ты собираешься играть на цине?

Тоба Фэн покраснел. Хмыкнув в ответ, он повернул голову и окинул Юньци взглядом:

— Когда вернёмся, я проведу с тобой всю ночь.

Услышав это, Юньци едва снова не возжелал его. Тоба Фэн помассировал ему задний проход, немного вытащил нефритовый стержень и, водя им между бёдер, снова и снова надавливал, от чего всё тело Юньци обмякло.

— Поехали, — рассмеялся Тоба Фэн. — Если посмеешь перекидываться с этим псом-императором любовными взглядами, ши-гэ оттрахает тебя прямо у него на глазах.

Юньци окончательно лишился дара речи.

В ту ночь янчжоуские чиновники всех рангов весело беседовали и смеялись, сопровождая Чжу Ди.

Императорская лодка была ярко освещена. По всей глади озера тянулись гирлянды праздничных фонарей, ослепительно сияя в отражении воды. На восточном небе висела полная луна — наступил Праздник середины осени. Лодка была уставлена ягодами, фруктами и османтусовым вином. По всему озеру, подхваченный ветром, разносился аромат османтуса. Нежный, словно нефрит, женский голос сливался со звуками циня и сэ*. Ото всюду слышались переливы струнных и духовых инструментов.

* Сэ (瑟) — древний щипковый музыкальный инструмент, родственник циня, но большего размера и с большим количеством струн.

Десятка два мостов еще стоят, быть может,

да растревожена волна,

луна бледна, и тишина.

Пионы у моста еще алеют тут,

но для кого за годом год они цветут*?

* Строки из стихотворения поэта династии Сун Цзян Куя «К востоку от реки есть град» в переводе Торопцева С. А.

Сюй Хуэйцзу сказал:

— Ваше Величество, прошу сюда.

Чжу Ди в Пекине пять лет подряд выслушивал увещевания целой толпы советников императора о том, что, как Сын Неба, он должен служить примером для всей Поднебесной: переход от бережливости к расточительству легок, а от расточительства к бережливости труден. Эти проповеди уже набили ему оскомину. Наконец-то добравшись до Янчжоу, он в душе лелеял надежды на безумную роскошь, горы золота и серебра, моря вина и мяса. Однако он никак не ожидал, что Сюй Хуэйцзу подготовит меньше десяти лодок, и тут же крайне разочаровался.

Чжу Ди произнес:

— Эй, шурин императора, сколько денег ты разворовал? Кого ты пытаешься одурачить этими двумя маленькими обшарпанными лодками?

Остальные чиновники уже были морально готовы. Сюй Хуэйцзу вытер пот со лба и заискивающе улыбнулся:

— Ваше Величество, вы, вероятно, не знаете, но в последние годы Янчжоу восстанавливает силы. Мы смягчили трудовые повинности и снизили налоги, поэтому стало действительно меньше всяких развлечений и увеселений. Через несколько лет, когда Ваше Величество снова посетит нас, картина будет уже совсем иной.

Чжу Ди кивнул, подобрал драконьи одежды и поднялся на лодку. За ним последовали и остальные чиновники.

Сюй Хуэйцзу, сопровождая императора, лично налил Чжу Ди немного вина:

— Хуэйцзу специально для Вашего Величества пригласил лучшую музыкантшу во всём Янчжоу. Эта девушка редко поет. В те годы, когда наследный принц и покойный император путешествовали по Цзяннани, Цин-нян уединилась в домике у озера, и даже наследный принц не мог её увидеть

Чжу Ди воскликнул:

— О?!

Сюй Хуэйцзу с улыбкой продолжил:

— По всему Янчжоу, на улицах и в переулках, не умолкают речи о доблести Вашего Величества, покорившего Северную Юань. Цин-нян, желая отблагодарить Сына Неба за спасение десяти тысяч народа от бедствий войны, сама вызвалась прийти и выразить почтение Вашему Величеству, сыграв одну мелодию, как скромный дар от женщины лёгкого поведения.

Этот комплимент пришёлся как нельзя кстати. Чжу Ди был в прекрасном настроении и, согласно кивая, сказал:

— Пусть войдёт.

На столе стояла тарелка жареных креветок и раскрытые крабы весом по четыре ляна каждый. Их панцири источали насыщенный аромат икры, а в сочетании с вином из османтуса они вызвали даже у самого беспутного императора зверский аппетит.

— Твоя сестра... — вдруг усмехнулся Чжу Ди, — больше всего любила есть этих крабов с османтусовым вином. Ещё в княжеской резиденции в Пекине я сам вскрывал панцири, аккуратно вынимал икру с мясом и подавал ей.

Сюй Хуэйцзу тоскливо вздохнул:

— Умерших не вернуть. Прошу Ваше Величество принять мои соболезнования.

Чжу Ди безжалостно его высмеял:

— Второй шурин, ты не так забавен, как младший. Будь на твоём месте он, то непременно бы пошутил, чтобы поднять мне настроение. Ладно, ладно, давай послушаем песню.

Сюй Хуэйцзу про себя подумал, что этому типу действительно трудно угодить, и отдал распоряжение. Вскоре появилась Цин-нян с пипой в руках.

Опустились дымчатые занавеси, но Чжу Ди приказал:

— Раздвиньте их, раздвиньте.

Сюй Хуэйцзу не знал, плакать ему или смеяться:

— Ваше Величество, таковы правила...

Чжу Ди настоял:

— Раздвиньте.

Сюй Хуэйцзу пришлось лично раздвинуть дымчатые шёлковые занавеси. Увидев, что Цин-нян вовсе не красавица, Чжу Ди тут же потерял к ней всякий интерес.

Цин-нян была лучшей музыкантшей янчжоуского управления Цзяофан, и в возрасте, когда красота уже увядает, всё ещё сохраняла обаяние. Однако Чжу Ди, привыкший к красавицам, естественно, не увидел в ней ничего особенного и сердито бросил:

— Пой.

Лицо Цин-нян потемнело, и она тихо сказала:

— Прошу Ваше Величество выбрать мелодию.

Сюй Хуэйцзу в душе вздохнул: «О нет! Да спой что угодно, зачем же ещё просить Чжу Ди выбрать? Сама напрашиваешься на оскорбление?»

И действительно, Чжу Ди тут же произнёс:

— Спой «Восемнадцать прикосновений*».

* «Восемнадцать прикосновений» (十八摸) — непристойная народная песня, считающаяся вульгарной и безвкусной. Песня начинается с прикосновений к волосам, затем к затылку и т.д., причём каждая последующая затрагиваемая область становится всё более интимной.

Цин-нян: «...»

Сюй Хуэйцзу: «...»

Цин-нян в гневе воскликнула:

— Правитель целой страны, а так себя ведёте! Это слишком унижительно!

С этими словами она уже собиралась разбить пипу и броситься в озеро, чтобы покончить с собой. Но неожиданно Чжу Ди усмехнулся:

— Эй, раз не желаешь петь, так не пой, чего так горячиться? Тогда... спой «Песню о душистых травах»?

Цин-нян тут же замерла.

Чжу Ди сказал:

— Если не хочешь петь предельно вульгарное, спой предельно утончённое. Сможешь?

Цин-нян наконец поняла, что Чжу Ди тоже весьма изысканный мужчина, и спокойно ответила:

— Эта презренная рабыня боится, что не сможет передать глубокий смысл этого утончённого произведения предыдущей династии.

С этими словами Цин-нян коснулась струн пипы и тихо запела:

— В горах Лунциси душистые травы благоухают,

В третью ночную стражу пробуждаюсь.

Тоской пронзён, гляжу — над Западной Лян луны диск,

Но не видать госпожи Ли, чей аромат с рукавов в воздухе повис.

Чжу Ди слушал с интересом.

Когда мелодия закончилась, он спросил:

— Знаешь ли ты, почему эта песня считается утончённой?

Цин-нян мягко ответила:

— Прошу Ваше Величество просветить меня.

Чжу Ди вздохнул, поднялся и подошёл к носу лодки:

— «Песня о душистых травах» повествует о том, как император династии Цзинь во сне увидел госпожу Ли, и та вручила ему душистые травы, которые наполнили всю комнату благоуханием. Проснувшись, он не смог её найти и тосковал по ней всю жизнь. Слова песни кажутся простыми, но в ней заложен утончённый смысл.

* Вообще, у императора У-ди (на троне 140—87 гг. до н. э.) была очень насыщенная любовная жизнь. С детских лет у него был друг-любовник по имени Хань Янь, пока его не оклеветали и он не погиб. У того же У-ди постоянно имелось рядом двое любовников; один из них вступил в незаконную связь с дамами из гарема, и тогда другой его убил. Император пришел в страшную ярость, но когда убийца объяснил ему причину, У-ди заплакал, и с той поры император испытывал к нему еще большую любовь. Другим его любовником был Ли Янь-нянь, актер, которого за какую-то провинность оскопили. В результате он приобрел прекрасный голос, чем и снискал симпатию императора. В то же время император был страстно привязан к сестре этого актера, госпоже Ли, после кончины которой оставался безутешным. Тогда он и сложил это знаменитое стихотворение.

Цин-нян поняла:

— Конец песни неуловим, после него остается лишь затяжное и мучительное чувство тоски. Эта презренная рабыня не смогла передать глубокий смысл, сокрытый в ее строках.

Сюй Хуэйцзу пошутил:

— В детстве мне доводилось слышать, как ее пела тётушка*.

* □□ может означать как сестру матери, так и наложницу отца. Скорее всего, речь о матери Юньци и Сюй Вэнь.

Чжу Ди медленно произнёс:

— Твоя сестра тоже ее пела. Они обе умели передать ту прелесть песни, что затрагивает струны души. Жаль только, что в юности чжэнь, пылкий и самоуверенный, не мог этого понять, и твоей сестре пришлось подробно объяснять мне. Но теперь нам не свидеться вновь.

Чжу Ди с горечью вздохнул:

— Прошло много лет с тех пор, как нас разлучила смерть, но её душа так и не явилась ко мне во снах.

На разукрашенной лодке вдалеке.

Раздались переливы циня, и кто-то беззаботно запел:

— Оставьте барабанный бой и гонги, внимайте моему пению. Праздные разговоры тоже отложите, лучше послушайте, как я исполню «Восемнадцать прикосновений»!

Чжу Ди: «...»

Голос Юньци, хоть и был мужским, но звучал с невыразимой нежностью и притягательностью:

— Руку протяну, и коснусь сестрички груди,

Прильнула к моему телу, прислонившись груди,

Ладонь проведу по ее линии руки...

Изогнулись ладошки, по бокам легли...

Чжу Ди так сильно рассмеялся, что чуть не упал. Расписная лодка слегка покачивалась, приближаясь к центру озера. Когда песня «Восемнадцать прикосновений» закончилась, Чжу Ди громко расхохотался.

Тоба Фэн положил руку на семиструнный цинь, и звуки музыки смолкли.

Юньци, одетый в нежно-красный халат, расшитый узорами из ста цветов, прильнул к груди Тоба Фэна.

Чёрные волосы Сюй Юньци рассыпались у висков, скрывая часть лица. Он улыбнулся Чжу Ди, и эта улыбка таила в себе невыразимую прелесть.

Тоба Фэн усмехнулся:

— Ему и вправду понравились «Восемнадцать прикосновений». Что споем дальше?

Юньци беззаботно сказал:

— Этому проходимцу такой стиль как раз по душе. Давай теперь что-нибудь более утончённое.

Тоба Фэн с улыбкой перевернул страницу нот, на мгновение задумался, и его длинные пальцы коснулись струн.

Юньци чистым голосом запел:

— В горах Лунциси душистые травы благоухают,

В третью ночную стражу я пробуждаюсь.

Тоской пронзён, гляжу — над Западной Лян луны диск,

Очнулся от сна драконий лик.

Но поздней осени не слышен аромат,

В опочивальне мрак и пустота.

Чжу Ди застыл. Он глядел на Юньци, полностью замороженный его пением.

Юньци устремил взор на озерную гладь, где мерцали праздничные фонари, а полная луна отражалась прямо в центре вод.

—...На месте нашей любви остались лишь опавшие лепестки.

Увы, кратка была пора расцвета их красоты.

Юньци замолчал, но эхо его голоса, казалось, всё ещё витало над озером.

Лицо Чжу Ди помрачнело, но через мгновение он усмехнулся:

— Разве ты не возился со своими шкурами овец и коров? Как ты оказался в Янчжоу?

Юньци с легкой улыбкой ответил:

— Приехал провести праздник с родными.

Чжу Ди тяжело вздохнул, а Тоба Фэн с важным видом добавил:

— И заодно купить немного соли, просим императора Великой Мин утвердить указ.

Чжу Ди: «...»

Юньци: «...»

Юньци прошептал:

— Не говори об этом, портит всю атмосферу.

Тоба Фэн возразил:

— Так не пойдет. Я не могу позволить этому псу-императору наслаждаться пением моей жены без достойной платы.

Чжу Ди рассмеялся:

— Спой для гэ еще одну строчку, и я продам тебе десять тысяч цзиней казённой соли Великой Мин.

Юньци сказал:

— Раз уж Его Величество изволил попросить, остаётся только почтительно подчиниться.

Чжу Ди засучил рукава, уселся сам и приказал:

— Давай что-нибудь, чего я ещё не слышал.

Теперь Юньци столкнулся с трудностью. Он и его сестра Сюй Вэнь оба унаследовали от Вэнь Юэхуа семейные традиции игры на цине, игры в го, каллиграфии и живописи. За эти годы разве осталась в Поднебесной мелодия, которую Чжу Ди ещё не слышал?

Тоба Фэн полистал ноты и бросил их в озеро. Юньци спросил:

— Что ты опять задумал?

Тоба Фэн улыбнулся:

— Спой ту песню, которую в прошлый раз пел персидский купец.

Юньци, подумав, произнес:

— Она слишком грустная.

Тоба Фэн опустил голову, коснувшись струн, и Юньци пришлось открыть рот.

— Где б знатности, богатству вечно пребывать?

Светило дня, взойдя на пик, вновь вниз стремится,

А месяц, наливаясь, начинает убывать.

На востоке взойдёт, чтоб на западе оказаться потом,

И потому во всём мирском нет совершенства ни в одном.

— Коль день счастливый выпал вдруг — будь им доволен, добрый друг.

— Будь им доволен, добрый друг...

Чжу Ди слегка опешил, и его красивые брови, острые, точно мечи, нахмурились.

Юньци пристально смотрел на Чжу Ди, и в тот миг в его чертах проступил образ горячо любимой Сюй Вэнь, запечатленный много лет тому назад. Его глаза были чистыми, словно осенние воды, и он нежно пропел:

— Ведь краток век, и семь десятков лет уже считаются за редкий след.

Бегут года, как воды вброд, неумолим их вечный ход...

Голос Юньци постепенно стих, и Чжу Ди медленно произнёс:

— Что это за песня? Я ее раньше не слышал.

Юньци спокойно ответил:

— Ее написал один персидский поэт, Омар*.

* Не знаю, при чем тут Омар Хайям, потому что это строки из стихотворения «□□□» поэта эпохи Юань Гуань Ханьцина (□□□).

Чжу Ди закрыл глаза, словно уйдя в себя, и спустя долгое время сказал:

— Есть в этом смысл.

Юньци улыбнулся:

— Тогда мы пошли за солью.

Чжу Ди, не открывая глаз, спокойно ответил:

— Ступай. В следующем году приезжай в Пекин на Цинмин, выпьешь вместе с гэ.

Тоба Фэн отдал распоряжение, и лодочник взмахнул веслами, отплывая от центра озера. Большой леопард, выполнив свою задачу, отправился в обратный путь, чтобы снова стать домашним котом.

Лунный свет струился по озерной глади, рисуя на воде нежные узоры.

— Экстра: Цветущая груша затмила яблоню: Конец —

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14987/1326113>